

Художественное воплощение конфликта идеи и натуры
в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского
и произведениях С. Лагерлёф: «Изгой»,
«Деньги господина Арне», «Отлучённый»

Сухих О.С.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Опубликовано в сб.: Секреты мастерства: Этика, религия, эстетика в творчестве Сельмы Лагерлёф. РГГУ, 2018. С. 172–183.

В статье рассматриваются традиции романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского в рассказе «Изгой», повести «Деньги господина Арне», романе «Отлучённый» С. Лагерлёф. При анализе литературного материала используется сравнительно-типологический метод, который позволяет выявить сходства и различия в функционировании некоторых важнейших мотивов в произведениях обоих писателей. Доказывается, что одним из сюжетообразующих и концептуальных конфликтов в творчестве С. Лагерлёф является столкновение идеи и натуры во внутреннем мире человека, причём это противоречие, как и в романе Ф.М. Достоевского, имеет трагический характер. Кроме того, оно сопрягается с проблемой справедливости и милосердия, которая, в свою очередь, неразрывно связана со спецификой понимания христианских ценностей в творчестве обоих писателей.

Изучение взаимосвязи и взаимовлияния русской и шведской литератур представляет собой интересное и перспективное направление в литературоведении. Нельзя, к сожалению, сказать, что оно достаточно разработано, но тем не менее существуют исследования, в которых затрагиваются вопросы российско-шведских литературных связей¹. В том числе большой интерес представляют статьи, посвящённые С. Лагерлёф и её творческим взаимоотношениям с русской классикой², в частности, с художественным наследием Ф.М. Достоевского³, многие проблемы и мотивы которого были по-своему переосмыслены этой писательницей и воплощены в её произведениях на оригинальном материале.

Параллели в художественной разработке некоторых проблем в творчестве этих авторов далеко не случайны. Писателей объединяют интерес к философским вопросам аксиологического плана, стремление воссоздать в ху-

дожественной форме определённые этические ценности и проверить их столкновением с реальностью в сложнейших жизненных ситуациях.

Возможность сопоставления произведений Ф.М. Достоевского и С. Лагерлёф определяется также тем, что *оба связывали этические вопросы с религиозными принципами и были сторонниками христианских ценностей*. Вопрос о том, насколько обоих писателей можно назвать верующими людьми, крайне трудно разрешим, если разрешим вообще, и его мы в данной статье оставим в стороне, а сосредоточим своё внимание на том, как оба автора воспринимали христианскую *этику*, в частности её приоритеты в отношении таких категорий, как *справедливость и милосердие*. Ситуации, в которых эти ценности вступают в противоречие друг с другом, влекут за собой трагические конфликты, построенные на **столкновении долга и чувства**, иными словами, **идеи и природы** человека (как говорил герой Ф.М. Достоевского Порфирий Петрович, «действительность и натура <...> иногда самый прозорливейший расчёт подсекают»⁴). В этом плане можно отметить интересные и значимые переключки между произведениями Ф.М. Достоевского и С. Лагерлёф.

Прежде всего, обратимся к рассказу С. Лагерлёф «**Изгой**» (из цикла «Невидимые узы»)⁵. Тема преступления и искупления вины, которая была подробно и многогранно разработана Ф.М. Достоевским и в «Преступлении и наказании», и в «Братьях Карамазовых», представлена также в произведении С. Лагерлёф и связана с образом Берга-великана. Этот герой был воспитан в обществе, где развита христианская традиция, он имеет понятие о религиозных заповедях, но они не затрагивают его по-настоящему; они есть в его сознании, но не в душе. Точно так же Раскольников сформировался как личность в обществе, где религиозные ценности являются важной составляющей жизненных устоев, но они не вошли в его собственный духовный мир. Оба героя являются христианами формально, но не по сути, а потому усвоенные с детства десять заповедей не могут удержать их от преступления. Но если Раскольников идёт на убийство, *руководствуясь идеей вопреки собственной*

натуре, то в душе Берга такого *внутреннего разлада нет*; его образ проще: этот герой не страдает из-за совершённого преступления, лишь стремится сохранить жизнь, поэтому и скрывается от крестьян, намеренных совершить возмездие. В образе Раскольникова на протяжении всего сюжета, вплоть до конца эпилога, воплощается неразрешённое противоречие: *рационально* он убеждён, что *должен* был совершить убийство, но весь *эмоциональный* строй его души восстаёт против насилия. Берг же убийство не планировал, не имел рационального расчёта, но и натура его не протестует против жестокости. Он живёт инстинктом самосохранения, и даже если в финале рассказа у него возникает мысль о раскаянии, то она не затрагивает глубин его души, ведь он отказывается от своего намерения и даже готов пойти на новое преступление, когда узнаёт, что его друг Турд выдал его крестьянам. В отличие от Раскольникова, он не принимает возмездие как должное. В этом смысле у Берга больше общего не с главным героем «Преступления и наказания», а с его двойниками: Лужиным и Свидригайловым, которым незнакомо противоречие между натурой и идеей и которые не страдают из-за нарушения нравственного закона.

С точки зрения воплощения традиций Ф.М. Достоевского интересен, пожалуй даже в *большей* степени, образ второго героя рассказа С. Лагерлёф. В отличие от Берга, рыбак Турд – это «естественный человек», выросший практически вне социума и соответственно вне религиозных традиций и обрядов. Его сознание свободно от философских концепций, этических теорий, религиозных понятий. Берг становится для него просветителем, открывает ему суть христианства, как сам её понимает: главная ценность, заповеданная Богом, – это справедливость. И если для «учителя» это просто существующий в обществе принцип, который человек должен *знать*, то для «ученика» это становится святой заповедью, которой человек должен *жить*. Турд начинает смотреть на мир через призму понятия справедливости, и для него бытие обретает осмысленность, выстраивается система ценностей. Но по той же причине в душе его зарождается трагический конфликт – *противоречие*

между долгом и чувством, то есть между идеей и натурой, как это трактовал Ф.М. Достоевский. С точки зрения долга, диктуемого идеей справедливости, освящённой к тому же именем Бога, Турд обязан сделать всё для возмездия убийце. Поэтому герой решается выдать Берга его преследователям. Но чувство, натура препятствуют этому: он не может причинить зло своему «учителю», который стал для него единственным другом и по-настоящему дорогим, духовно близким человеком. В романе «Преступление и наказание» герой ради идеи жертвует «жалкой старушонкой», которую считает ничтожным и злым существом, но даже такая жертва становится для Раскольникова причиной страданий. В рассказе «Изгой» Турд жертвует человеком, который для него ближе родственников, дороже всех. Не удивительно, что это решение оборачивается для него трагедией. Рассудок его не выдерживает испытания: «Он упал на колени подле мёртвого тела и, приподняв голову, положил её себе на плечо <...> он беседовал с покойником, плакал и уговаривал его проснуться»⁶. Даже придя в себя и ещё раз подтверждая свою приверженность справедливости, он говорит «голосом, в котором слышны рыдания»⁷, и это проявление природы героя, которая так и не смиряется с торжеством идеи. И Ф.М. Достоевский, и С. Лагерлёф показывают, что человек, решая во имя некоей высшей идеи пожертвовать кем-либо другим, в то же время жертвует и собой, идя на моральные страдания, которые для него невыносимы. И Раскольников, и рыбак Турд вынуждены *переступить через собственную натуру ради идеи, подавить свои чувства во имя долга*. И в их идеях есть, как бы странно это ни воспринималось, общее начало – мысль о **справедливости** как наиболее высокой ценности. Раскольников пришёл к идее «крови по совести», исходя из того, что мир устроен несправедливо: дунечки и сонечки жертвуют собой и мучаются, а лужины и свидригайловы процветают. Он считает, что только власть «над всею дрожащею тварью и над всем муравейником»⁸ даст возможность что-то исправить, но для этого придётся преступить общепринятые законы, даже пролить чью-то кровь – это будет «кровь по совести». Убийство процентщицы стало первым шагом на его пути – ис-

пытанием собственной натуры, которое необходимо, чтобы начать действовать. С точки зрения Раскольникова, пожертвовать одним человеком ради будущего блага всех – это *справедливо*. Герой С. Лагерлёф руководствовался убеждением, что грех должен быть наказан, и поскольку человек совершил убийство, то будет *справедливо*, если за это убьют его самого. Поэтому он выдал Берга крестьянам, собиравшимся совершить над ним самосуд. И хотя погиб Берг не от рук преследователей, а во время схватки с предавшим его «учеником», но причиной трагического исхода послужило именно решение Турда.

Как видим, в романе Ф.М. Достоевского и в рассказе С. Лагерлёф герои – как Раскольников, так и Турд – стремятся осуществить **справедливость**, но не принимают в расчёт **милосердие**, а в результате нарушают одну из основных христианских заповедей – о любви к ближнему, как к самому себе. *Справедливость без милосердия приводит обоих героев к трагическому конфликту между долгом и чувством* и к антигуманным решениям. Правда, при этом у героя рассказа «Изгой» есть и ещё один мотив, который позволяет провести параллель между ним и Соней Мармеладовой: оба пытаются указать преступнику путь к возрождению. Турд искренне считает, что осуществление возмездия спасёт душу убийцы. К тому же он очень эмоционально и старательно пытается убедить Берга в необходимости и спасительности раскаяния, как и Соня предлагала Раскольникову покаяться перед всеми на площади.

Итак, в рассказе «Изгой» создана сложная, разветвлённая система параллелей с романом «Преступление и наказание»: образ Берга-великана вбирает в себя черты Раскольникова и его двойников, а образ рыбака Турда – черты Раскольникова и Сони Мармеладовой. Такое построение образного ряда ещё раз подчёркивает сложность и диалектическую противоречивость философско-этической проблематики произведений обоих авторов. *Конфликт идеи и натуры осмысливается как трагическое противоречие, раз-*

решаемое героями в пользу идеи, что влечёт за собой глубочайшие страдания.

Подобная проблема раскрывается и в повести С. Лагерлёф «**Деньги господина Арне**». Здесь перед нами трагедия Эльсалилль, которая полюбила шотландского ландскнехта сэра Арчи, не зная, что он убийца её приёмной семьи, в том числе и любимой названной сестры. Момент, когда ей открывается правда, становится завязкой внутреннего конфликта в душе героини - трагического *противоречия между долгом и чувством*. В качестве нравственного долга воспринимается возмездие преступнику, так как героиня исходит из **идеи справедливости**. Она является для Эльсалилль некоей необходимой составляющей жизни, и нарушение её оскорбляет религиозное и нравственное чувство героини, разрушает важнейшую духовную опору. Идея справедливости к тому же дополняется моральной ответственностью перед погибшими, перед сестрой, которая была для Эльсалилль самым близким человеком. В то же время **натура героини сопротивляется осуществлению идеи**: её сердцем владеет любовь, которая порождает стремление к милосердию. Колебания и муки совести, переживаемые девушкой, составляют внутренний трагический «нерв» повествования, что объединяет данное произведение с романом «Преступление и наказание», где тоже акцент перенесён автором с конфликта внешнего (преступник – следователь) на внутренний (натура – идея). Как и Раскольников, героиня С. Лагерлёф на протяжении развития сюжета находится в состоянии *непреодоленного противоречия между натурой и идеей* (между чувством и долгом). Но Раскольников всё время подавляет натуру во имя идеи, в результате чего «голос сердца» прорывается лишь в снах и в болезненной чувствительности героя, тогда как Эльсалилль *пытается найти компромисс* и примирить непримиримое. Сначала она убеждает сама себя, что, отдавшись любви и уехав с сэром Арчи, она сможет помочь ему искупить вину – это будет христианским поступком, осуществлением милосердия. В принципе, это мысль самого сэра Арчи: он решил, осчастливив Эльсалилль, снять с себя груз вины за убийство её сестры, а героиня хватается

ся за эту «соломинку», поскольку ей очень хочется уступить собственному чувству и обрести счастье. Однако впоследствии долг и нравственная ответственность всё же одерживают верх над эмоциями, и девушка идёт против своей любви ради идеи справедливости: выдаёт сэра Арчи. Но в то же самое время она предупреждает его об опасности и уговаривает бежать (здесь построение сюжетной ситуации таково же, как в рассказе «Изгой», где Турд выдаёт своего друга, но затем пытается спасти, уговаривая Берга пойти к священнику и покаяться, прежде чем его схватят). Героиня сделала усилие над собой, но не смогла преодолеть собственную натуру до конца. Наконец, в финале идея справедливости всё же торжествует, но только потому, что тёмное начало проявляется в душе сэра Арчи слишком отчётливо и губит любовь Эльсалилль, заставляет её отказаться от милосердия: «... на сердце у нее было теперь холодно и пусто. Глядя на сэра Арчи и слушая его, она дрожала, ибо, когда он рассказывал ей все это, его лицо было кровожадным и внушало ужас»⁹. Увидев в глазах человека, прежде любимого ею, злобу и ненависть, она уже не помогает ему, а пытается помешать: чтобы преступник не мог использовать её в качестве живого щита, она специально направляет копьё одного из стражников в собственное сердце. *Долг торжествует* в героине повести, а любовь угасает, и это приводит Эльсалилль к гибели *во имя убеждений*. В произведении же Ф.М. Достоевского мы видим *противоположное развитие внутреннего конфликта*: к концу эпилога в Раскольникове рождается любовь к Соне, что и ведёт его к *отказу от власти рационалистических убеждений*.

Раскольниковым руководила *идея преступления*, насильственного осуществления справедливости – через «кровь по совести», а героиней С. Лагерлёф движет *идея возмездия за преступление*, и это различие в мотивировках действий героев объясняет разницу в авторских оценках судеб героев. У Ф.М. Достоевского торжество *натуры над идеей* – это путь героя к «воскресению»: «Вместо диалектики наступила жизнь»¹⁰. У С. Лагерлёф торжество

идеи над чувствами представляет собой путь героини к духовной высоте, подвигу.

В повести «Деньги господина Арне», как и в рассказе «Изгой», мы можем наблюдать *сочетание в одном и том же образе черт двух героев Ф.М. Достоевского*: Раскольникова и Сони. Эльсалилль «наследует» внутренние колебания и нравственные страдания Раскольникова, порождённые конфликтом идеи и натуры, но в то же время она воплощает в себе и черты Сони как человека, возложившего на себя миссию спасения других. У Ф.М. Достоевского героиня живёт ради семьи, а впоследствии – ради Раскольникова, практически не думая о собственных интересах. У С. Лагерлёф сюжет построен таким образом, что миссия героини как бы «раздваивается», создаются два ответвления сюжетной линии, в которых её характер вырисовывается по-разному. Одно из них представляет собой *развитие любовной интриги*, в котором Эльсалилль, пытаясь дать шанс на спасение сэру Арчи, проявляет и альтруизм, и эгоизм одновременно: она действительно хочет, чтобы любимый ею человек смог искупить вину и обрести душевный покой, но не меньше, а, пожалуй, даже больше она заинтересована в том, чтобы у неё самой была возможность стать счастливой, ведь она мыслит своё счастье только рядом с ним. Второе же ответвление сюжетной линии – это *развитие коллизии нравственной ответственности* героини перед сестрой, душа которой не находит покоя, поскольку справедливость попорана и преступление осталось безнаказанным. В данном случае Эльсалилль выступает как натура героическая, способная пожертвовать собой ради чужого блага, – с этой точки зрения её образ наиболее близок к образу Сони.

В рассказе «Изгой» разрешение конфликта идеи и натуры в пользу идеи оборачивается не спасением человека, а гибелью, что осмысливается как *трагическая ошибка*. В повести «Деньги господина Арне» фактически такое же разрешение противоречия показано уже как *нравственный подвиг*. Причина подобного различия концепций кроется в моральной оценке персонажа, который становится «точкой приложения» усилий героя – носителя

идеи справедливости. Берг был достоин милосердия, так как способен на раскаяние, а потому его гибель из-за действий Турда воспринимается как трагедия. Сэр Арчи не заслуживает прощения, поскольку не признаёт вины и не хочет нести ответственность за неё, поэтому его неизбежная гибель из-за поступка Эльсалилль видится как возмездие.

В романе С. Лагерлёф «**Отлучённый**» (в переводе Е.Н. Благовещенской он назван «От смерти к жизни», что отражает идею произведения, духовную эволюцию героев) тоже присутствует конфликт идеи и природы / долга и чувства, но даётся как бы *в зеркальном отражении* по отношению к рассмотренным выше произведениям. Здесь *долг сопряжён с религиозными идеями, с милосердием и христианской любовью к ближнему, а чувство противоречит этим принципам*. Воплощена эта антиномия в образе священника Ронге.

Первотолчком к развитию сюжета и сложных взаимоотношений персонажей становится представленная в экспозиции история участников полярной экспедиции, которые, чтобы избежать голодной смерти, решились на каннибализм. Среди них был Свен Эльверссон, главный герой романа. Именно священник помог ему воссоединиться с семьёй, нашёл для него слова утешения, выполняя свой христианский долг, следуя евангельским идеям. Но когда он увидел Свена Эльверссона в церкви, «он вдруг почувствовал, как горло ему сдавил приступ тошноты». Ронге помнит о христианских принципах и понимает, что *должен* проявить милосердие, но в его душе этого милосердия нет. Герой чисто *рационально принимает* заповедь о любви к ближнему (пусть даже к грешнику), но его *натура этому сопротивляется*: «Он думал о том, что Христос призывал к себе грешников, он пробовал пробудить в себе чувство сострадания, вспоминал кроткое и симпатичное лицо бедного грешника <...> Он продолжал богослужение, совершал священные обряды, как обыкновенно, и вместе с тем не мог отделаться от чувства отвращения»¹¹. Ронге осознаёт, что не может видеть Свена Эльверссона в церкви, хотя вроде бы и готов во всём остальном поддержать его. В результате

этого конфликта рационального и эмоционального начал герой совершает поступок, который противоречит его убеждениям, но отвечает его внутреннему настрою. В проповеди священник упоминает о том, что произошло со Свеном Эльверссоном, – в этом прорываются те негативные эмоции, которые сначала герою удавалось сдерживать. Он не хотел видеть грешника в церкви – и добился своего: после этого ни сам Свен Эльверссон, ни его родители уже не приходили в храм. Автор, комментируя психологическое состояние Ронге, отмечает противоречивое единство стыда за измену христианскому долгу и радости от того, что «презренный червь» вынужден покинуть дом Божий. Чувство, идущее от природы Ронге, от его человеческой природы, «окольными путями вырвалось и завладело им»¹², поэтому впоследствии он думает, что поступил «как ребёнок, как дикарь, руководимый лишь инстинктом»¹³, т.е. как человек, не способный подчинять эмоции соображениям долга, верности идее.

Итак, в данном случае **принцип сострадания и милосердия играет роль идеи**, которая почерпнута из христианской культуры и понимается как долг, связанный не только с общими этическими нормами, но и с профессией священника. И до определённого момента это помогает герою подавлять эмоции, но в конечном итоге *натура всё же преодолевает власть идеи*, долг отступает перед чувством. Это влечёт за собой драму Свена Эльверссона, обречённого быть отверженным. Для самого «отлучённого» это путь страданий, очищающих душу. В образе этого героя можно увидеть и отражение идеи «положительно прекрасного человека», и черты Сонечки, покорно принимающей унижение и считающей, что она это заслужила; есть в нём в то же время и взаимосвязь с образом Раскольникова, по-своему проходящего путь «от смерти к жизни» (вновь перед нами образ героя С. Лагерлёф, восходящий *одновременно к образам и Раскольникова, и Сони*). И тем не менее характер Свена Эльверссона непротиворечив, «нарисован» практически одной краской: перед нами воплощение смирения и любви к ближним, и, как выясняется в финале, даже приписанного ему греха он не совершал. Характер свя-

щенника Ронге, наоборот, построен на противоречии. Его христианские принципы имеют *рационалистическую природу*, даже его решение стать священником проистекает из расчёта: он полагает, что таким способом сможет преодолеть родовое проклятие, связанное с убийством священника, произошедшим много лет назад. В душе же он обычный человек, поддающийся слабостям и разрушительным эмоциям. В этом герое воплощены черты определённого типа героев Ф.М. Достоевского – это те, кто *рационально принимает христианство, а внутренне ещё не пришёл к нему*. Таков, например, Шатов, искренне считающий, что вера имеет спасительное значение, и говорящий, что он *будет* верить в Бога. Подобного склада, но гораздо сложнее – Иван Карамазов. Именно он пишет статью о церкви как высшей форме социума, о том, что государство должно уподобиться ей. Но в то же время он сочиняет поэму о великом инквизиторе и его «муравейнике», построенном на антихристианских началах. В диалоге с Алёшей он говорит, что «если бы не было бога, то следовало бы его выдумать»¹⁴, поскольку вера удерживает человека от порока, – это вполне рациональное убеждение, но эмоции прорываются в «бунте» Ивана, который «мира-то божьего не принимает»¹⁵. Да и Раскольников в конце эпилога к роману «Преступление и наказание» хотя и берёт у Сони Евангелие, решая, что теперь её взгляды станут и его убеждениями, но пока не начинает его читать, до конца ещё не приходит к вере.

Священник в романе С. Лагерлёф, принимая христианские заповеди, не может следовать им на деле, поддаваясь антихристианским чувствам. Но его характер не статичен, он развивается, и к финалу произведения мы видим, что герой *преодолеывает противоречие рационального и эмоционального*, всё больше становится христианином *в душе*, а не просто из профессионального долга. Он переживает страшное испытание, когда считает, что его жена Сигрун умерла, а затем узнаёт, что она ушла к Свену Эльверссону. У Ронге возникает мысль о мести, об убийстве – мысль, порождённая душевной болью, и когда он преодолевает её, то освобождается от прежних разрушительных эмоций и инстинктов, от мучительных противоречий. Когда в финале романа

Ронге в своей проповеди защищает и поддерживает Свена Эльверссона (человека, которого раньше воспринимал с отвращением – как грешника, а затем с ненавистью – как соперника), то мы уже видим в священнике личность, в которой *долг и чувство, идея и натура больше не противостоят друг другу*. В конечном итоге принцип любви к ближнему становится для него не просто законом, которому должен следовать священник, но и внутренней интенцией. И именно тогда к герою возвращается его любимая Сигрун, и он обретает душевное спокойствие и гармонию. Это вызывает ассоциацию с историей Раскольникова, которому на протяжении всего романа причиняет душевную боль конфликт идеи и натуры, а в конце эпилога герой преодолевает это противоречие и осознаёт, что теперь примет мировоззрение Сони, для которой христианская этика представляет собой основу жизни. Но для Раскольникова милосердие и любовь к ближнему с самого начала были частью его натуры, существовали в его внутреннем мире на подсознательном, эмоциональном уровне, выражаясь в снах, в мучительной реакции на преступление, прорываясь в отдельных поступках. А для священника Ронге христианские этические принципы выступали в роли рационально воспринятой идеи, до которой он духовно «дорос» лишь к финалу романа.

Итак, все три рассмотренных выше произведения С. Лагерлёф в разных вариантах раскрывают конфликт идеи и натуры, чувства и долга. Подобно Ф.М. Достоевскому, писательница выражает мысль о сложности и диалектической противоречивости человека, о христианских ценностях как основе жизни.

¹ Юнггрен Магнус. Испепеляющая страсть к России – как русская литература стала шведской. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://perevodika.ru/articles/22655.html> (дата обращения - 2.05.2016); Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. М.: Наука, 1980. 324 с.; Леонова Е.А. Литературы скандинавских стран (конец XIX – начало XX века). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ae-lib.org.ua/texts/leonova_scandinavian_XIX-XX_ru.htm (дата обращения - 29.04.2016); Иванов А.Н. Русские писатели как константы шведской культуры. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e->

zpu/2010/4/Ivanov/ (дата обращения – 29.04.2016); Мурадян К. Конец тысячелетия: Скандинавский литературный пантеон в России (проблемы культурного взаимодействия; итоги и перспективы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sweden4rus.nu/rus/info/mouradian/mouradian> (дата обращения – 29.04.2016).

² Брауде Л. Сельма Лагерлёф и мир её творчества. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://scandlit.narod.ru/braude.html> (дата обращения - 9.03.2014); Иванов А.Н. Сельма Лагерлёф и русская культура. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Ivanov_Lagerlof/ (дата обращения –29.04.2016); Давлетшина Е. Сельма Лагерлёф. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.manwb.ru/articles/arte/literature/lagerlef> (дата обращения - 29.04.2016); По следам великой сказочницы: методико-библиографический материал к 155-летию со дня рождения Сельмы Лагерлёф / сост. А. И. Федосеева. – Нагорное: МБУК «ЦМБ», 2013. 31 с.

³ Кобленкова Д.В. Элементы агиографического канона как метажанровой структуры в повести С. Лагерлёф «Деньги господина Арне» и одноимённой экранизации М. Стиллера // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 862-865; Кобленкова Д.В. Проза С. Лагерлёф и традиции русской классической литературы (к постановке проблемы) // Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог. Сб. материалов международной научно-практической конференции (11 ноября 2015 г., г. Саранск). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2016. С. 163-168; Кобленкова Д.В. Философская проза С. Лагерлёф. Социально-христианская идея и формы вторичной условности в повести «Возница» // Грехневские чтения. Словесный образ и литературное произведение. Сб. научных трудов. Вып. 6. Нижний Новгород: «Книги», 2010. С. 255-260.

⁴ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. ПСС в 30 тт. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с. С. 263.

⁵ Подробнее о традициях Достоевского в этом произведении см.: Сухих О.С. Преступление и наказание в рассказе С. Лагерлёф «Изгой» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 311-317.

⁶ Лагерлёф С. Изгой // Лагерлёф С. Собр. соч. в 4 тт. Т. 1. Л.: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1991. С. 484-503. С. 502.

⁷ Там же, с. 503.

⁸ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. ПСС в 30 тт. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с. С. 253.

⁹ Лагерлёф С. Деньги господина Арне. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://royallib.com/read/lagerlyof_selma/dengi_gospodina_arne.html#184320 (дата обращения: 13.05.2016).

¹⁰ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. ПСС в 30 тт. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с. С. 422.

¹¹ Лагерлёф С. От смерти к жизни / Перев. со шведского Е.Н. Благовещенской. Петроград: изд-во «А.Ф. Маркс», 1924. 300 с. С. 17.

¹² Там же, с. 18.

¹³ Там же, с. 18.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. ПСС в 30 тт. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 511 с. С. 213.

¹⁵ Там же, с. 214.